

УДК 39(=512.145)(470.5)

doi 10.17072/2219-3111-2022-1-96-104

Ссылка для цитирования: *Кильмаматов Р. Р., Шаяхметов Ф. Ф.* Этносоциальные особенности хозяйства служилых мишарей Южного Урала в XVII–XIX веках // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 96–104.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА СЛУЖИЛЫХ МИШАРЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА В XVII–XIX ВЕКАХ

Р. Р. Кильмаматов

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального центра Российской академии наук, 450077, Россия, Уфа, ул. К. Маркса, 6

kilmamatov94@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3559-9477

ResearcherID: AFU-2378-2022

Ф. Ф. Шаяхметов

Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета, 450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

fidail_sh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7947-2072

В данной статье предпринята попытка осуществления комплексного анализа основных направлений и специфики хозяйственной деятельности южноуральских служилых мишарей (мещеряков) в XVII–XIX вв., которые появились в регионе вместе с другими служилыми людьми, призванными для защиты края. Актуальность темы определяется как практическим отсутствием в отечественной и зарубежной историографии подобных работ по мишарям Южного Урала, так и важностью исследования хозяйства служилого сословия, сочетавшего военную службу с хозяйственной деятельностью. В работе рассматриваются взаимосвязь военной службы и хозяйственной деятельности мишарей, условия и возможности для ведения хозяйства в разные периоды исследуемого времени. Показано, что на начальном этапе переселения наличие в южноуральском регионе большего количества, чем в местах исхода мишарей в Среднем Поволжье, пригодных для земледелия и скотоводства пространств, а также надление служилых мишарей правительством некоторыми льготами и привилегиями, способствовало их хозяйственному преуспеванию. В горностепном Зауралье ввиду климатических условий и под влиянием башкир часть мишарей перешла к полукочевому скотоводству. В дальнейшем, с усилением позиций российской администрации в крае мишарей постепенно обложили рядом денежных и натуральных повинностей, а их военная служба становилась все более обременительной, что не могло не сказаться на их хозяйственной деятельности. Особое внимание исследователи уделяют анализу указанной проблемы в кантонный период, когда военно-бюрократическая система Российской империи, доведенная до универсального состояния, регламентировала не только условия военной службы, но и напрямую управляла хозяйственными делами мишарского сословия. Проводя курс на постепенный перевод всех жителей кантонов к земледелию, правительство способствовало сокращению роли скотоводства в хозяйстве мишарей и оседанию тех, кто стал полукочевниками. Авторы статьи констатируют, что служилые мишари, успешно сохранив прежние черты хозяйственной деятельности, на Южном Урале приобрели и некоторые новые, отличающие их от мишарей, проживающих в Среднем Поволжье.

Ключевые слова: мишари, служилые мещеряки, припущенники, землевладение, земледелие, скотоводство, Южный Урал, кантонная система.

В настоящее время в этнологических исследованиях наблюдается значительный рост интереса к этносоциальным группам военно-служилого населения, их этнической истории, социальному и культурному развитию, хозяйству и быту. Представители этнической группы мишарей (мещеряков) с конца XVI – начала XVII в. переселялись на Южный Урал после его вхождения в состав Русского государства. Вместе с башкирами и русскими служилые мишари не

только составили основную часть населения края, но и сыграли важную роль в его защите. Если сфера военной службы мишарей в определенной степени рассматривалась в общих работах по истории и этнографии края, а также в исследованиях, посвященных башкирской тематике, то проблемы их материально-хозяйственного развития на территории региона в сочетании с военной службой значительно меньше привлекали внимание исследователей. Этносоциальная группа мишарей Южного Урала является наименее изученной этнической общностью региона.

Факты и сведения по исследуемой нами проблеме фрагментарно обнаруживаются как в опубликованных, так и в архивных источниках. Опубликованные материалы прежде всего представлены законодательными актами и документами центральных учреждений Российской империи: в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗРИ), собрания 1 и 2; томами «Материалов по истории Башкирской АССР» (далее – МИБ); ведомостями башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения в середине XIX в. (Ведомости..., 1976). Среди архивных источников основное значение имеют сохранившиеся документы местных учреждений, имеющиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Созданный в историографии значительный задел по исследованию хозяйства мишарей Поволжья необходимо и вполне целесообразно расширить и дополнить комплексным исследованием по мишарям Южного Урала. В той или иной степени отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в разные периоды в различных хозяйственных, топографических, этнографических и статистических описаниях Оренбургской (Рычков, 1762), Пермской губерний (Попов, 1904), а также в историко-этнографических исследованиях позднего советского и постсоветского периодов [Кузеев, 1978; Халиков Н., 1985; Рахматуллин, 1988; Халиков А., 1989; Асфандияров, 1994; Мухамедова, 1999; Порталь, 2000; Давлетшина, 2001; Исаков, 2004; Тагирова, 2013; Хайретдинов, 2015; Самигулов, 2019].

В XVI в. этнополитическая ситуация в Среднем Поволжье и на Южном Урале, особенно принятие башкирами русского подданства, а также их социально-политическое положение в составе Российского государства в XVII–XVIII вв., способствовали как организованной центральной властью, так и стихийной миграции народов Поволжья на Урал. Составной частью этого миграционного процесса стали и мишари, известные в источниках как «служилые мещеряки». Начиная с XV в. мишари Волго-Окского междуречья служили великим князьям московским, участвовали в войнах и охраняли границы с Казанским ханством. Эта территория веками была «каменной стеной взаимодействия между финно-угорскими, тюркскими и славянскими племенами» [Мухамедова, 1999, с. 18]. Вскоре территория этого взаимодействия значительно расширилась на восток – до Южного и частично Среднего Урала, Зауралья и Западной Сибири. Изначально мишари направлялись правительством на пограничную и воинскую службу в Закамье, где было создано ряд крепостей, позднее ставших основой Закамской черты. Появились они и в основанной Уфимской крепости: «...без обложения ясаком, а только по грамоте 7106 (1598) г. велено служить им, мещерякам, по городу Уфе с дворянами и иноземцами» (МИБ, 1960, т. V, с. 581). С конца XVI в. их стали «верстать землей» на территории Южного Урала.

Необходимо отметить, что мишари на своей основной этнической территории в Среднем Поволжье были «устойчиво-оседлым населением с развитыми земледельческо-скотоводческими традициями в сельском хозяйстве», имели «небольшие земельные площади, закрепленные преимущественно в качестве поместий за службу» [Халиков А., 1989, с. 14, 173]. Переселение на крайний юго-восток Волго-Уральского региона не могло не повлиять на хозяйство мишарей. Башкирский край располагал в тот период большим количеством пригодных для земледелия и скотоводства пространств и льготами в землепользовании, предоставляемыми правительством [Рахматуллин, 1988, с. 32]. В новую экологическую нишу южноуральского региона служилые мишари привнесли свои традиции ведения сельского хозяйства, а вступив во взаимодействие с коренным населением и другими переселенцами, они органично стали адаптироваться к иной природно-географической среде. Большое значение имело наличие на новой территории удобных пастбищ со значительным разнообразием растительного покрова и источников воды. Происходило взаимообогащение практикой хозяйственных навыков – земледелия и землепользования и особенностями ведения скотоводческого хозяйства в условиях Южного Урала.

Но не у всех служилых южноуральских мишарей хозяйственно-культурный тип (ХКТ) сформировался одинаково. Так, если на северо-западе ХКТ мишарей был близок или даже идентичен региону Среднего Поволжья (земледелие и подсобное животноводство), «хлебопашество не только удовлетворяет здесь их собственные потребности, но и служит главным источником в покрытии всех основных хозяйственных расходов» (Попов, 1904, с. 10, 11), то в Зауралье в их ХКТ земледелие уже сочеталось со значительным увеличением доли скотоводства. В условиях сравнительного многоземелья и горностепной местности, неблагоприятной для земледелия, но позволявшей круглогодично пасти скот, мишари стали осваивать элементы башкирского полукочевого хозяйства. Сохранение на Южном Урале несения конной службы способствовало развитию у мишарей края коневодства в большей степени, чем в Поволжье, где к середине XVIII в. исчезла необходимость в их воинской службе, и они были переведены в податное сословие. В Приуралье были распространены башкирская и киргизская лошади (азиатской или монгольской породы), неутомимые в беге, широко использовавшиеся в ямском разгоне. Эти лошади хорошо подходили и для несения военной службы – основной обязанности служилых мишарей. Стада здесь почти наполовину состояли из овец и коз, пятая часть – из крупнорогатого скота, а остальное поголовье составляли лошади. Большую часть скота составляли животные, способные тебеневать – добывать корм из-под снега [Исхаков и др., 2001, с. 177, 178]. Определенную роль в трансформации хозяйственной деятельности сыграли как влияние башкир, так и развитие скотоводческих традиций самих мишарей, в прошлом прошедших через этап полукочевого хозяйства. Следует также учитывать, что на службу кавалеристы-мишари должны были являться «с годными и надежными к употреблению лошадьми» (Очерки..., 1959, с. 42). Выбор сельскохозяйственных культур, прежде всего, определялся спецификой местного ландшафта. «Они сеяли рожь, овес, ячмень, пшеницу, полбу, просо, а также коноплю и лен. Кроме того, они занимались рыбной ловлей и охотой» [Акманов, Зайтунов и др., 2017, с. 33].

Наиболее ранней территориальной группой служилых мишарей, появившейся на территории края, стали в основном выходцы из «района Алатыря» и «реки Пьяны» [Этнотерриториальные группы..., 2002, с. 129]. На новой территории мишари преимущественно выбирали ландшафтные и природно-географические условия, аналогичные с местами расселения на их этнической родине. «Чем ближе к горам, тем меньше становилось мешеряков, а в горах они совсем отсутствовали» [Галигузов, 2000, с. 241]. Следует отметить, что служилые мишари заселили большей частью западные и северо-западные районы края: в XVI–XVII вв. они появились в бассейне р. Дема, в бассейне р. Быстрый Танып, в XVIII в. – в бассейнах рек Ай и Миасс.

Первоначально численность мишарей была невелика. В 1699 г. вместо Камышенской службы с мишарей Уфимского уезда был произведен сбор «со всякого человека по рубли, что и собрано тогда с 748 человек» (Рычков, 1887, с. 103). Значительное увеличение численности служилых мишарей в крае произошло после упразднения Закамской линии и основания Оренбурга, сменившего Казань в качестве форпоста в продвижении Российской империи на юго-восток. Эти события способствовали переселению на Южный Урал новых групп мишарей, желавших избежать перевода в податное сословие. В 1743–1747 гг. численность мишарей в регионе составляла 10 тыс. человек; в 1782 г. их было 28,7 тыс.; в 1794 г. – 46,3 тыс.; в 1833 г. – 73,6 тыс.; в 1851 г. – 105,5 тыс.; в 1879 г. – 138,9 тыс. человек [Кузеев, 1978, с. 237, 239]. Имела место не только санкционированная правительством, но и вольная колонизация, когда были нередки случаи переселения целыми деревнями из мест исхода по призыву родственников, уже обосновавшихся на Южном Урале. Новые поселенцы, как правило, арендовали землю у башкир. Причем, если на начальном этапе башкиры-вотчинники охотно предоставляли им земли, перекладывая на них часть ясака казне, то со временем, когда число переселенцев сильно увеличилось, башкиры-вотчинники писали жалобы правительству, учитывая которые иногда выселялись из края отдельные группы мишарей в места их прежнего расселения.

После башкирских антиправительственных восстаний 1735–1740 гг. часть служилых мишарей, участвовавших в их подавлении, получили земли повстанцев в безоборочное пользование. Согласно указа от 11 февраля 1736 г., мишарям-припущенникам предоставлялись в безоборочное владение земли, отнятые у башкир, участвовавших в антиправительственных выступлениях, и теперь «башкирские земли, которыми служилые мишари пользовались, платя оброк, были переданы им “вечно безоборочно”: старшине – 200 четвертей; есаулам, писарю, сотникам –

по 100; рядовым – по 50 четвертей. Также мишарям было разрешено покупать земли у башкир» (ПСЗРИ-1, 1830, т. IX, № 6890, с. 742). Мишари, сохранявшие лояльность правительству во время башкирских восстаний, надеялись, что арендованные ими башкирские земли перейдут к ним в собственность, став наградой за верность властям. Но в полной мере указ не выполнялся, поскольку изъятие земель вызывало недовольство башкир, они писали жалобы и челобитные в Сенат. Правительство принятыми 18 ноября 1790 г. и 1 сентября 1793 г. указами решило не рассматривать более претензии мишарей по поводу «бунтовщичьих земель» (МИБ, 1956, т. IV, ч. 2, с. 359, 360, 275, 276). Но до этого нередки были случаи отказа мишарей платить вотчинникам оброк за пользование землей: «...мишари жаловались, что указ 1736 г. в чем-то так и остался на бумаге» [*Порталь*, 2000, с. 101]. Показателен в этом отношении рапорт мишарского старшины Алмекея Алкеева от 13 января 1760 г. в Уфимскую провинциальную канцелярию о нежелании платить оброк с земель, принадлежащих участвовавшим в восстаниях башкирам: «...за те земли Кыркули-Минской, яко же и Чюби-Минской волостей, которая также была в бунте...оброков платить стало уже нам неподлежательно и не платим...» (МИБ, 1949, т. III, с. 27). Восстание Пугачева, в котором приняла участие на стороне повстанцев некоторая часть мишарей (известно, что мишарские старшины были среди командного состава пугачевцев), еще более запутало положение дел. Возможно, поддержка частью мишарей антиправительственного восстания стала своеобразным ответом на невыполнение правительством предыдущих обещаний. Однако в целом служилые мишари продолжали оставаться наиболее лояльной к власти и надежной частью нерусского населения края, а указ 1790 г. на это мало повлиял.

Основная масса служилых мещеряков, прибывшая из Среднего Поволжья и Закамья заключала с вотчинниками-башкирами договоры о припуске на их земельные владения за плату и становилась припущенниками (арендаторами). Хозяйственные права арендаторов регламентировали договорные записи об условиях припуска, с указанием денежного оброка башкирам-вотчинникам. Отдельно оговаривались условия пользования лесами, сенокосами, звериными ловами и рыбными угодьями, строительство мельниц и обустройство пасек. В дальнейшем мишари-землепользователи могли припускать на арендуемую землю и новых припущенников, что происходило повсеместно. Но не всегда между вотчинником и припущенником оформлялась запись, иногда аренда основывалась на устном соглашении, что впоследствии осложняло земельные отношения. Можно с уверенностью сказать, что на Южном Урале общее количество служилых мещеряков, владевших собственной, а не арендованной землей, было невелико. «И хотя на первых этапах сосуществования вотчинников-башкир и припущенников-мишарей между ними не исключались конфликты, в последующем общность религии, языковая и культурная близость способствовали зарождению блестящего этнокультурного синтеза...» [*Хайретдинов*, 2015, с. 182].

10 апреля 1798 г. именным указом Павла I «башкирским и мещеряжским начальникам повелено, для устройства Оренбургской линии, иметь ведомость о числе башкирцев и мещеряков в Пермской и Оренбургской губерниях, разделить их по кантонам...» (ПСЗРИ-1, 1830, т. XXV, № 18477, с. 189), теперь башкиры и мишари рассматривались как военное сословие, и на них была возложена охрана Оренбургской пограничной линии, была введена кантонная система управления. Всего образовали 21 кантон, пять из них были мещеряжские. Одним из принципов формирования кантонов стал этнический. Кантоны мишарей находились в пределах Оренбургской губернии: 1-й – в Троицком и Челябинском, 2-й – в Бирском и Мензелинском, 3-й – в Стерлитамакском, 4-й – в Уфимском и 5-й – в Бугульминском уездах (Очерки..., 1959, с. 33). Впоследствии в 1834 г. кантоны были включены в состав Башкиро-Мещеряжского войска.

Хотя и прежде мишари были ограничены в перемещениях по территории края без специального разрешения старшин и были обязаны за счет своего или общинного «кошта» снаряжаться для участия в линейной службе и походах, но теперь их обязанности стали более регламентированы. Обращает на себя внимание тот факт, что состав чиновников кантонной администрации пополнялся преимущественно из рядов прежней старшинской верхушки. Если в конце 1750-х – начале 1760-х гг. мишарские старшины и сотники получали от государства поместный оклад от 100 до 130 четвертей пашенной земли [*Акманов*, 1991, с. 41], то в кантонный период правительство сделало ставку на уже зарекомендовавшую себя мишарскую верхушку, предоставив ей ряд новых льгот. Служба в кантонной администрации освобождала от податей, за

успехи чиновники могли получать офицерские чины, ордена и дворянство. Мишарские старшины становились крупными землевладельцами и богатыми людьми при кантонной системе управления, к тому же «...мещерякским старшинам... предоставлено право производить в России торговые промыслы, заводить заводы и проч.» (ПСЗРИ-1, 1830, т. XX, № 14540, с. 455). Немногочисленные дворяне-мишари получали и дополнительные привилегии, например: «...мещеряки, признанные геральдиєю в дворянском достоинстве, освобождены от платежа денежных повинностей и взноса хлеба в запасные магазины» (ПСЗРИ-2, 1849, т. XXIII, № 222094, с. 193).

До издания указа о земле в 1832 г. и получения мишарями соответствующей доли земли они продолжали платить башкирам-вотчинникам оброк за пользование их земельными угодьями. К 1841 г. жалованные земли имели 1806 мишарей из шести деревень Бирского уезда, 1652 мишаря из трех деревень Уфимского уезда (Ведомости..., 1976, с. 319-330). Мишари-вотчинники в Оренбургской губернии составляли 4,8 % от общей численности мишарей (72 666 чел.), и жалованные грамоты были ими получены еще в 1667–1699 гг. В 1847 г. был упразднен 1-й мишарский кантон, а входившие в него юрты распределили между ближайшими башкирскими кантонами, благодаря чему значительно изменилась чересполосность кантонного деления (ПСЗРИ-2, 1848, т. XXII, № 21741, с. 870). Несмотря на усилия правительства, при введении кантонной системы управления краем не удалось преодолеть трудности дисперсного расселения мишарей. «В Екатеринбургском и Шадринском уездах общее количество мещеряков (включая ичкинских татар) указано 224 души мужского пола, и они были включены в состав 2-го башкирского кантона» [Самигулов, 2019, с. 39]. Следует отметить, что мишари проживали лишь в шести уездах Оренбургской губернии из двенадцати. Их было много в Бирском (130 деревень), Уфимском (76 деревень), Белебеевском (66 деревень) уездах; в Стерлитамакском уезде ими было основано 37, в Челябинском – 19 аулов. Незначительная их часть расселялась в Троицком уезде (три деревни) (Западные башкиры..., 2001, с. 24). Хотя большая часть мишарей являлась припущенниками, ситуация по уездам сильно разнилась. Больше всего земель в собственности было у мишарей Уфимского и Бирского уездов, в самых ранних районах расселения, где была сосредоточена основная масса мишарей края. В степном Челябинском уезде мишари преимущественно находились на казенных и реже выкупленных у башкир собственных землях. «В степных зонах Оренбургской губернии мишари разводили многочисленные стада лошадей и овец, производили кумыс так же, как их соседи-башкиры, вели настоящее полукочевое хозяйство, выпасая скот на летних, осенних и зимних пастбищах» [Халиков Н., 1985, с. 80–81].

Имели место случаи, когда официальным образом было санкционировано переселение из башкирских кантонов в мишарские и наоборот. К примеру, с 1831 по 1848 гг. рассматривалось дело о позволении переселения мещеряка М. Абдулсалимова из 11-го башкирского кантона в «4-й мещерякский кантон 1-ю юрту в деревню Кулаево» на наследственные земли (НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2842. Л. 12). Примечателен случай перевода в мишарский кантон рядовым казакком начальника 12-го башкирского кантона: «за произношение неприличных слов перед командою» в адрес вышестоящих властей Ш. Нагайбакова вначале намеревались сослать в Сибирь, но затем разжаловали в казаки с лишением орденов и перевели на жительство во 2-й мещерякский кантон» [Тагирова, 2013, с. 18]. Как способ наказания был возможен перевод не только в иноэтничный кантон, но и в податное сословие. В 1837 г. был отмечен случай, когда 52 мещеряка 3-го башкирского кантона «за сопротивление при обмундировании по воинским образцам, повелено обратить в казенное крестьянство» (ПСЗРИ-2, 1838, т. XII, отд.1, № 9888, с. 56). В 1855 г. после присоединения к Башкиро-Мещерякскому войску тептярей и бобылей все войско стало именоваться Башкирским и было разделено на 28 кантонов, теперь уже смешанного этнического состава, созданных по территориальному принципу.

История служилых мишарей неразрывно связана с продвижением российских рубежей на юго-восток. Дольше всех сохранили свой военно-служилый статус мишари на Южном Урале, но к середине XIX в. границы империи продвинулись далеко на юг, к Аму-Дарье и Аральскому морю. Необходимость в многочисленном иррегулярном войске, охранявшем Оренбургскую линию, отпала. Южный Урал, как прежде Поволжье, превратился во внутренний и безопасный регион. В 1863–1865 гг. кантонная система была ликвидирована, но при этом входившие в

Башкирское войско мишари получили по 30 десятин земли на душу (Труды..., 1903, XXVII, с. 111). Это было в два раза больше, чем у гражданских припущенников, что обусловило некоторую обособленность мишарей от других групп тюркского населения.

Еще в кантонный период правительство смогло реализовать ряд мер, призванных ускорить переход тюркского населения края к земледелию. Кроме того, рост населения края и сокращение земельного фонда затрудняли ведение полукочевого образа жизни как самих башкир из так называемых «кочевых кантонов», так и некоторых групп мишарей, в летние месяцы выходивших на пастбища ближе к своим животным. «Обашкирившиеся» мишари возвращались к тому же ХКТ, к которому они принадлежали до переселения на Южный Урал. К концу второй четверти XIX в. у мишарей постепенно вытеснились элементы полукочевой культуры, что совпало с началом проведения политики седентаризации в отношении служилого населения Башкиро-Мещерякского войска. Политика стимулирования оседлости башкир усилилась после начала реализации в 1840 г. реформы Н. Н. Киселева. Она коснулась и хозяйственных занятий мишарей, приравненных к башкирам [Шаяхметов, 2018, с. 71–78]. Никогда полностью не отказывавшиеся от земледелия, а также в значительно меньшей степени, чем башкиры, обеспеченные землей, мишари восприняли эту политику спокойнее.

На основании вышеприведенных фактов можно констатировать следующее. Мишари заселяли большей частью западные и северо-западные районы региона, проникновение в Зауралье было менее значительным. Хотя миграция проходила в границах одной Волго-Уральской историко-этнографической области, климатические условия Южного Урала и влияние местного полукочевого населения наложили отпечаток на хозяйство мишарей. Комплекс хозяйства мишарей в рамках Южного Урала имел ряд локальных особенностей. Возрастание на Южном Урале роли скотоводства было связано с сохранением привилегий служилого статуса, а также достаточно большими размерами пастбищ и угодий в сравнении с местами исхода. У мишарей южных и зауральских уездов Оренбургской губернии, где их доля в общем населении была невелика, отмечены элементы полукочевого хозяйства. Можно сделать вывод о том, что особенности хозяйственной деятельности мишарей на Южном Урале были обусловлены, прежде всего, многоземельем и длительным сохранением привилегированного военно-служилого статуса. После упразднения кантонной системы этот статус они утратили, однако сохранили некоторые особенности землепользования.

Список источников

- Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. (подготовил А.З. Асфандияров) // Южноуральский археографический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1976. Вып. 2. С. 319–330.
- Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / сост. А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа: Китап, 2001. 712 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР (далее – МИБ): в 6 т. / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. III. 691 с.
- МИБ. 1956, Т. IV. Ч. 2. 666 с.
- МИБ. 1960, Т. V. 783 с.
- Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. С.М. Васильева, Г.М. Деренковского [и др.]. Уфа: Башкир. книжн. изд-во, 1959. Т. 1, ч. 2. 535 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр.1 (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. IX, 11 февраля 1736, № 6890. 1016 с.
- ПСЗРИ-2. СПб., 1838. Т. XII. 1. 21 января 1837, № 9888. 823 с.
- ПСЗРИ-1. СПб., 1830, Т. XX, 22 ноября 1776, № 14540. 1041 с.
- ПСЗРИ-2. СПб., 1848. Т. XXII. Отд. 1. 26 ноября 1847, № 21741. 951 с.
- ПСЗРИ-2. СПб., 1849. Т. XXIII. Отд. 1. 16 марта 1848, № 22094. 665 с.
- ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. XXV. 10 апреля 1798, № 18477. 932 с.
- Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно напечатанию Санкт-Петербургского вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1804 г. в городе Перми. Пермь: Тип. Перм. губерн. правления, 1904. Ч. 2. 434 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Изд-во Бреслина, 1887. Ч. 2. 406 с.
Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, XXVII, Оренбургская губерния. СПб.: Народная польза, 1903. 198 с.
НА РБ. Ф. И-2. Оренбургский военный губернатор. Оп. 1. Д. 2842. Л. 12.

Библиографический список

- Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.
Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 5. Уфа: Китап, 1994. 173 с.
Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск: Дом печати, 2000. 500 с.
Давлетишина З.М. Татарское население Башкортостана: этнодемографическое исследование. Уфа: Гилем, 2001. 201 с.
Исхаков Д.М. Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. 287 с.
Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башк. книжн. изд-во, 1978. 263 с.
Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1999. 246 с.
О развитии хозяйства Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. / *И.Г. Акманов, Р.Б. Зайтунов, У.Б. Гайсин* [и др.] // Вестник Акад. наук РБ. 2017. Т. 23, № 2(86). С. 29–35.
Порталь Р. Башкирия в XVII–XVIII вв. / пер. с франц. и нем.; сост. И.В. Кучумов. Уфа, 2000. 221 с.
Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 188 с.
Самигулов Г.Х. Изменения сословной группы «башкиры» в середине XVIII – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 9, № 1. С. 34–45.
Тагирова Л.Ф. Семейно-родственные связи как один из факторов формирования элитарных слоев в управлении (на примере башкирского общества первой половины XIX века) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 6 (297). С. 14–17.
Татары: [монография] / *Д.М. Исхаков, Д.Б. Рамазанова, И.Р. Газимзянов* и др.]. М.: Наука, 2001. 582 с.
Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. книж. изд-во, 1989. 222 с.
Халиков Н.А. Некоторые особенности хозяйства татарского народа: середина XIX – начало XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа / отв. ред. Р.Г. Мухамедова. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1985. С. 65–68.
Хайретдинов Д.З. «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 180–182.
Шаяхметов Ф.Ф. Модернизация хозяйства и образа жизни башкир и мишарей в период и после проведения «реформ Киселева» // Этнос. Общество. Цивилизация: V Кузеевские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 27–28 сент. 2018 г. Уфа: Диалог, 2018. С. 71–78.
Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002. 248 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.10.2020

ETHNO-SOCIAL FEATURES OF THE ECONOMY OF THE SOUTHERN URAL SERVICE MISHARS IN THE 17TH – 19TH CENTURIES

R. R. Kilmamatov

Institute of Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Karl Marx str., 6,
450076, Ufa, Russia
kilmamatov94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3559-9477
ResearcherID: AFU-2378-2022

F. F. Shayahmetov

Bashkir State University, Zeki Velidi str., 32, 450076, Ufa, Russia
fidail_sh@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7947-2072

The article attempts to analyze the main directions and specifics of economic activities of the South Ural service Mishars (meshcheryaks) in the 17th – 19th centuries, who appeared in the region along with other service people aimed at protecting the fortresses of the region. The relevance of the topic is determined both by the practical absence of such works on the Mishars of the southern Urals in Russian and foreign historiography, and by the importance of studying the economy of the service class, which combined military service with economic activities. The authors analyze the relations between military service and economic activities of Mishars, and conditions and opportunities for farming in different periods of the studied time. Attention is paid to the analysis of the problem during the period of the cantonal administration in the region, when the machine of the military-bureaucratic system, brought to a universal state, not only regulated the conditions of military service, but also directly managed the economy of the Mishar class. The authors state that the service Mishars, living in the places of exodus in the middle Volga region and having moved to the southern Urals, remained within the borders of the Volga-Ural historical-ethnographic region, where, for many centuries, there was a close interaction between the peoples of the Middle Volga and Southern Urals. Nevertheless, as a result of the migration of Mishars to another territory, they were waiting for a new socio-economic reality, a slightly different natural and geographical environment than in the places of exodus, as well as the specifics of the existing ethnic environment, which led to the formation of various options for their economic activities. In the Southern Urals, Mishars, having successfully retained their previous skills, acquired some new features of economic activities that distinguish them from the Mishars living in the Middle Volga region. The academic novelty of the study lies in a comprehensive study of the economic activities of the Mishars of the southern Urals in the period of the 17th – 19th centuries, closely related to their presence in the military service class, interethnic interaction with the living peoples of the region and, above all, their colleagues and neighbors – the indigenous inhabitants of the region – the Bashkirs. At present, the ethnic group of the Mishars of the southern Urals is the least studied ethnic community in the region, although it has been formed on this territory for centuries. The main methodological principle of the research is the principle of historicism, which involves the study of the economic activities of the South Ural military officials as a process of formation and development in close connection with the natural geographical environment, and the dynamics of socio-economic and socio-political relations in the region. The article uses archival and published sources, as well as data from ethnographic research of scientists of the 18th – 21st centuries.

Key words: Mishars, serving Meshcheryaks, pripomienky, landed property, agriculture, pastoralism, South Ural, cantons.

References

- Akmanov, I.G. (1991), *Bashkiriya v sostave Rossiyskogo gosudarstva v XVII – pervoy polovine XVIII v.* [Bashkiria as part of Russia in the 17th – first half of the 18th century], Izd-vo Ural. un-ta, Sverdlovsk, USSR, 156 p.
- Akmanov, I.G., Zaytunov, R.B., Gaysin, U.B., Suleymanova, L.Sh. & A.A. Dautov (2017), “On the development of the economy of Bashkiria in the second half of the 16th – the first half of the 18th centuries”, *Vestnik Akademii Nauk RB*, Vol. 23, № 2(86), pp. 29–35.
- Asfandiyarov, A.Z. (1994), *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana. Kn.5* [History of villages and villages of Bashkortostan. Book 5], Kitap, Ufa, Russia, 176 p.
- Davletshina, Z.M. (2001), *Tatarskoe naselenie Bashkortostana: etnodemograficheskoe issledovanie* [Tatar population of Bashkortostan: an ethnodemographic study], Gilem, Ufa, Russia, 201 p.
- Galiguzov, I.F. (2000), *Narody Yuzhnogo Urala: istoriya i kul'tura* [Peoples of the Southern Urals: history and culture], Dom pečati, Magnitogorsk, Russia, 500 p.
- Halikov, A.H. (1989), *Tatarskiy narod i ego predki* [Tatar people and their ancestors], Tat-e. izd-vo, Kazan, USSR, 222 p.
- Halikov, N.A. (1985), “Some features of the economy of the Tatar people: the middle of the 19th – early 20th century”, in Mukhamedova, R.G. (ed.), *K voprosu etnicheskoy istorii tatarskogo naroda* [To questions about the ethnic history of the Tatar people], Tat-e. izd-vo, Kazan, USSR, pp. 65–68.
- Ishakov, D.M., Ramazanova, D.B. & I.R. Gazimzyanov (2001), *Tatary* [Tatars], Nauka, Moscow, Russia, 582 p.
- Khayretdinov, D.Z. (2015), “The «Great Exodus»: processes of mass resettlement of Nizhny Novgorod Mishar Tanars in the 17th – 18th centuries”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, № 20, pp. 180–182.
- Kuzeev, R.G. (1978), *Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda* [Historical Ethnography of the Bashkir people], Bashk. kn. izd-vo, Ufa, Russia, 263 p.
- Muhamedova, R.G. (1999), *Tatary-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Tatar-Mishars. Historical and ethnographic research], Nauka, Moscow, Russia, 246 p.

- Mukhametshin, Y.G., Khalikov, N.A. & D.M. Iskhakov (2002), *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ih formirovaniya. Istoriko-etnograficheskij atlas tatarskogo naroda* [Ethno-territorial groups of the Volga and Ural Tatars and issues of their formation. Historical and ethnographic Atlas of the Tatar people], Dom pečati, Kazan, Russia, 248 p.
- Portal, R. (2000), *Bashkiriya v XVII-XVIII vv.* [Bashkiria in the 17th – 18th centuries], TsEI UNTs RAN, Ufa, Russia, 221 p.
- Rahmatullin, U.H. (1988), *Naselenie Bashkirii v XVII-XVIII vv.* [Population of Bashkiria in the 17th – 18th centuries], Nauka, Moscow, Russia, 188 p.
- Samigulov, G.H. (2019), “Transformations of the group “Bashkirs” in the middle of the 18th – early 20th centuries”, *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ja*, Vol. 9, № 1, pp. 34–45.
- Shayakhmetov, F. F. (2018), “Modernization of the economy and lifestyle of Bashkir and Mishari in the period and after the «Kiselev Reform»”, in *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Pyatye Kuzevskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ethnos. Society. Civilization: the Fifth Kuzeyev readings. Materials of the all-Russian scientific and practical conference], Izdatelstvo «Dialog», Ufa, Russia, pp. 71–78.
- Tagirova, L.F. (2013), “Family-related relations as one of the factors of formation of elite layers in management (on the example of Bashkir society of the first half of the 19th century)”, *Vestnik Chel GU*, № 6 (297), pp. 14–17.